

ИСТОРИЯ НАУКИ

ЭО, 2008 г., № 1

© А. Е. Загребин, В. Э. Шарاپов

К ИСТОРИИ "ПЕРМСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ" У.Т. СИРЕЛИУСА

В 1907 г. руководство Финно-Угорского Общества приняло решение о выделении средств для доцента Александровского императорского университета г. Гельсингфорса (Хельсинки) Ууно Таави Сирелиуса и студента Московского университета и стипендиата Финно-Угорского Общества В.П. Налимова на проведение "пермских этнографических разысканий" на территории Архангельской, Вологодской, Пермской и Вятской губерний¹.

Позволим себе внести некоторую ясность в этот, теперь уже историографический, факт. На рубеже XIX–XX вв. научное сообщество Финляндии вступило в полосу широкой институционализации, во многом связанной с продвижением в общественно-политическую жизнь автономии финноманских идей, предполагавших уравнивание прав местных шведов и финнов (*Liikanen* 1995). Финляндских интеллектуалов занимали не только проблемы истории и культуры финского народа, но и стремление выявить связи финнов с родственными народами. Экспедиции по России А.И. Шёгрена, М.А. Кастрена и Э. Лённрота открыли финнам мир российских финно-угров, изучение которых стало неотъемлемой частью процесса суверенизации национальной науки (*Карху* 1980: 138). Инициативы энтузиастов финляндского народоведения оформились в 1883 г. в создании Финно-Угорского Общества, получившего поддержку как в ученой среде, так и в правительственных кругах (*Statuts* 1886: 7–8). Стипендии и субсидии, выделяемые обществом на проведение полевых исследований, позволили финляндским ученым и их местным помощникам собрать немало уникальных материалов, ныне составляющих "золотой фонд" финно-угорской этнографии. Что касается истории изучения пермских народов (коми, коми-пермяков и удмуртов), можно сказать, что они попали в орбиту внимания ученых, работавших под эгидой Финно-Угорского Общества почти с момента его организации, но преимущественно это были фольклорно-лингвистические изыскания (*Lehtonen* 1972: 69). Собственно же этнографические поиски среди пермян первым предпринял У.Т. Сирелиус в ходе своей летней экспедиции 1907 г.

У.Т. Сирелиуса (1872–1929) по праву считают "фактическим основателем финляндской этнографической школы" (*Шлыгина* 1995: 51–54). Следует отметить, что уже в первых своих публикациях Сирелиус стремился опереться на прочную методологическую базу, восприняв многое из идей эволюционистов. В особенности большое влияние на его научное мировоззрение оказал венгерский этнограф Я. Янко, предложивший трехступенчатую схему этнокультурного развития финно-угорских народов (*Kodolányi* 1985: 103). По его мнению, составляя в совокупности производное единого целого – общей финно-угорской культуры, ее локальные варианты воспроизводили эво-

Алексей Егорович Загребин – кандидат исторических наук, зав. отделом этнологии и социологии Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН (УИИЯЛ УрО РАН); e-mail: zagreb72@izh.com

Валерий Энгельсович Шарاپов – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела этнографии Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН (ИЯЛИ КНЦ УрО РАН); e-mail: sharapov@online.ru

люционную динамику, не вступая в явное противоречие с формулой "один народ – одна культура" (Загребин 2003: 164). Вместе с тем отличительной чертой Сирелиуса как ученого была способность к постоянному расширению методического обеспечения исследований. Так, несмотря на авторитетное мнение профессора финского языка и литературы Э.Н. Сетяля, отстаивавшего приоритет лингвистического подхода в классификационных принципах и полевых практиках финно-угорской этнографии, Сирелиус оставлял за собой право рассматривать этнографические факты и особенно артефакты в рамках определенных географических регионов и хозяйственно-культурных зон (Вилкуна 1965: 130–131). С течением времени Сирелиус, оставаясь приверженцем этнологического эволюционизма, выработал свой оригинальный взгляд на предмет науки, ставший определяющим фактором при открытии в 1921 г. в Хельсинкском университете ординарной профессуры (кафедры) по финно-угорской этнографии (Valonen 1981: 4). Он твердо полагал, что сравнительный подход, применяемый в области истории материальной культуры, является определяющим фактором в выяснении генезиса культуры этноса. Не случайно в самом начале своей научной карьеры он обратил пристальное внимание на изучение народной архитектуры и хозяйственно-промышленной деятельности финно-угорских народов².

В докладе, представленном по итогам экспедиции в правление Финно-Угорского Общества, У.Т. Сирелиус писал, что он начал "пермское" путешествие в начале июня по железной дороге из Санкт-Петербурга через Вятку и ст. Мураши в с. Летка (Sirelius 1908: 15–17). Судя по ежедневным записям исследователя в его полевом дневнике, маршрут экспедиции по территории края коми проходил через г. Усть-Сысольск, села Вильгорт (на р. Сыsole), Межадор, Мординское (на р. Локчим), Усть-Кулом, д. Пожегдин (на р. Вычегде), с. Скородум (на р. Вычегда), с. Корткерос, г. Усть-Сысольск (Sirelius 1907b). В середине июля Сирелиус собирался посетить ижемских коми, но по ряду причин (в частности, из-за громоздкой коллекции экспонатов) был вынужден отказаться от первоначального плана и ограничиться приобретением традиционной одежды и утвари ижемских коми-оленевонов, не выезжая из Усть-Сысольска.

В ходе экспедиции по краю коми Сирелиус опирался на помощь представителей интеллигенции коми. Например, в с. Усть-Кулом он работал вместе с А.Г. Кузивановой. В с. Скородум большую помощь Сирелиусу оказал учитель начального земского училища Помоздинской вол. А.И. Шомысов. В с. Вильгорт к исследователю присоединились в качестве переводчиков и проводников А.А. Чеусов и В.П. Налимов. А.А. Цембер – один из его добровольных помощников – сделал следующую запись в своем дневнике от 21 июня 1907 г.: «Я с доцентом Гельсингфорского университета Ууно Таави (Давидович) Сирелиусом выехал в Мордин собирать этнографические сведения. Пробыли до 26 июня в Мордине и собрали много одежды старинной и посуды и пр[очей] утвари, имеющей чисто зырянское происхождение, а не перенятое у русских. В Мордине Уно Давидович сделал до 40 снимков фотографических. Квартировали в винной лавке, и за квартиру он заплатил и за содержание продавцу 4 руб. за четверо суток и за меня и за себя. 26 июня около полудня мы с ним выехали, и он привез меня до Усть-Кулома бесплатно. Таким образом, я ему стоил около 11 руб. и, кроме того, еще он спрашивал, сколько ему платить за мою поездку, но я отказался. Из Усть-Кулома я поехал Керчемью переводить продавца Павлушкова в Усть-Нем, а Сирелиус уехал один на Пожег и остановился не доезжая до Помоздина в Скородуме у Алексея Шомысова (я рекомендовал его для поездки в Ижму как учителя-зырянина). Тут он пробыл 5 дней и приехал в город (на 2 парах из Корткеросса, где тоже пробыл 2 дня) ко мне 7 июля. Затем ездил по приглашению Налимова в Вильгорт и тут собирал разные вещи дня два. Потом собранные вещи упаковал в пятницу. В воскресенье 15 июля он уехал на пароходе "Княгиня" в Котлас. Разных вещей накупил рублей на 200 – всего 26 1/2 пудов сдал на пароход для доставки в Котлас по 15 коп. за пуд. За квартиру и содержание мне уплатил 5 руб. Кормили попросту – что мне готовили, то и ему» (Цем-

бер 1997: 34). Впоследствии Сирелиус длительное время поддерживал переписку со своими помощниками, получая от них необходимые консультации, и заочно руководил сбором полевых материалов по материальной культуре, охоте и рыболовству у коми³.

После отъезда Сирелиуса в конце июля в Вятскую губ., В.П. Налимов в течение недели работал в селах Лозым, Пажга, Ыб и Вад, где совместно с А.А. Чеусовым собирал материалы об архаических типах жилищ, охоте и рыболовстве у коми по обширному своду вопросов, составленному финским коллегой. Осенью того же года они представили У.Т. Сирелиусу совместный отчет о проделанной работе. В середине августа В.П. Налимов продолжил самостоятельные полевые исследования у коми-пермяков, начатые им еще в мае 1907 г. на средства, выделенные Финно-Угорским Обществом. Следуя "материалистским" наставлениям Сирелиуса, В.П. Налимов вместе с тем уделяет внимание изучению различных аспектов духовной культуры коми. В подробнейшем проекте предстоящих полевых работ, представленном в Правление Финно-Угорского Общества весной 1907 г., Налимов формулирует свою основную задачу следующим образом: "Я буду продолжать исследование религиозного мировоззрения зырян и пермяков, преимущественно изучая географическое распределение верований, стараясь, таким образом, определить, что составляет древние верования, а что носит характер позднейших заимствований". По мнению исследователя, разрешение этой задачи возможно "только при сравнительном изучении верований зырян, других финно-угорских народов и русских" (Nalimov 1907). В.П. Налимов подчеркивал, что фиксирование современного состояния традиции предполагает акцентирование внимания на народных объяснениях религиозных верований и отношении людей к происходящим изменениям обрядовых явлений⁴.

Известно, что результаты исследований В.П. Налимова по этнографии и фольклору коми получают одобрение в российских научных кругах. В 1907 г. Императорское Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете присуждает ему большую серебряную медаль "во внимание к его ценным работам по антропологии и этнографии зырян и в благодарность за доставленные Обществу лично собранные научные материалы о зырянах". Но, как это ни парадоксально, этнографические и фольклорные материалы, записанные Налимовым на русском и коми языках, были востребованы в первой половине XX в. не столько российскими, сколько западно-европейскими учеными⁵.

В конце июля 1907 г. У.Т. Сирелиус направляется через города Вятку и Глазов в Сарапульский у. Вятской губ. для проведения полевых этнографических исследований среди удмуртов.

Местом своей базовой стоянки Сирелиус выбрал с. Бураново (удм. назв. Бурангурт), располагавшееся в тридцати верстах от Ижевского завода и примерно на таком же расстоянии от уездного города. Бураново нельзя было причислить к древнейшим поселениям края, да и этническая культура здесь подверглась уже определенным трансформациям (Верещагин 2000: 83–115). Но в Бураново жил и работал Г.Е. Верещагин – местный священник и одновременно первый удмуртский этнограф, фольклорист и писатель, хорошо известный ученым и научным обществам знаток удмуртского быта (Владыкин, Загребин 2004: 19–23). Отягощенный делами прихода и школы былой священный препоручил заботы о госте своему сыну Ивану, который переписывался с финским ученым и после его возвращения из экспедиции (Загребин 1996: 112–114). За время пребывания в Бураново определились те приоритеты, которым следовал Сирелиус в работе среди удмуртов, а именно – изучение народной архитектуры, особенностей народного костюма, способов охоты и рыболовства, собирание коллекции предметов быта и одежды.

В начале августа Сирелиус перенес свои исследовательские процедуры в удмуртские селения, расположенные в западной части Сарапульского у., сделав длительную

остановку в д. Курчум-Норья. Помощником в его поисках стал учитель местной школы Н.И. Васильев, сын священника о. Иоанна (Васильева), который еще в 1870-х годах, будучи студентом Казанской учительской семинарии, с легкой руки ее директора Н.И. Ильминского, стал спутником финского лингвиста Т.Г. Аминоффа, собиравшего материалы по языку и мифологии удмуртов (Загребин 1998: 84–86). В Курчуме финляндский этнограф нашел и изучил устройство удмуртского родового святилища "быдзым куа", много фотографировал и беседовал со старожилами. Двигаясь далее на запад к границе с Малмыжским у., Сирелиус останавливался в с. Нылга-Жикья и д. Жумья, где собирал информацию с помощью учительницы А. Клавиковой (Он же 1999: 62–63). В середине августа, усталый и нагруженный вновь приобретенными вещами, он вернулся в Бураново, откуда выехал в стоящий на Каме уездный город Сарапул. Пароходом Сирелиус добрался до Казани, откуда ненадолго заезжал к мариЙцам, и уже 21 августа 1907 г., проделав большой путь, ученый был дома – в Гельсингфорсе.

Анализируя методику полевой работы У.Т. Сирелиуса в "пермской экспедиции", мы будем опираться на материалы его полевых дневников (MV-КТККА 1907). Даже при беглом осмотре этих небольших записных книжек в матерчатом переплете, ныне хранящихся в архиве этнографических рукописей Музейного ведомства Финляндии, отчетливо проступают те исследовательские приоритеты, о которых уже было сказано ранее – народная архитектура, предметы быта и промысловые традиции пермских народов. Фиксируя полевой материал, Сирелиус старался совмещать изобразительный ряд (чертежи, рисунки, наброски) с подробным текстовым описанием конструктивных особенностей каждой рассматриваемой постройки или охотничье-рыболовецкого устройства, снабжая их оригинальным коми и удмуртским названиями и его финским, иногда русским, эквивалентом. Даже сквозь беглые "карандашные" записи Сирелиуса проступает строгая научная система – здесь почти нет лирических пассажей, присущих дневникам финно-угроведов предыдущего поколения, зато ощущается напористая и целеустремленная натура ученого-прагматика.

Отдельного рассмотрения требует собранная Сирелиусом коллекция предметов материальной культуры пермских народов. В целом она состоит из 553 единиц хранения, из которых 111 предметов удмуртского происхождения (KMSU: 4817). Оценивая значимость этого собрания, можно лишь присоединиться к точке зрения современных историков финской (финно-угорской) этнографии, отмечающих, что именно А.О. Хейкель и У.Т. Сирелиус начали системно и широко собирать коллекции материальной культуры родственных народов (Lehtonen 1992: 45). Усилия Сирелиуса по комплектованию музейных фондов нашли воплощение в организованной под его руководством Первой финно-угорской выставке, открывшейся в 1923 г. в Национальном музее Финляндии. У.Т. Сирелиус составил подробнейшее описание собранной им коллекции предметов и, как правило, текст описания каждой вещи сопровождался рисунком или фотографией (KMSU: 4815: 1–317; 4816: 1–126).

В ходе "пермской экспедиции" У.Т. Сирелиус сделал несколько сотен уникальных фотографий. Как отмечает И. Лехтинен, к началу XX в. Сирелиус стал не только автором богатейшего собрания этнографических фотографий по культуре финно-угров, но считался и одним из ведущих европейских фотографов, который прекрасно владел техническим мастерством и эстетикой фотографического искусства. При этом каждый полевой снимок детальнейшим образом аннотировался, а нередко исследователь создавал и антропологические фотопортреты: три изображения человека (фронтальное, сбоку и сзади), записывая точные данные о возрасте, этнической принадлежности, месте рождения, семейном положении, цвете глаз и волос, перенесенных болезнях и сведения о происхождении родителей (Iso karhu 1980: 22–23). Коллекция негативов, сделанных Сирелиусом в ходе поездки в 1907 г., в настоящее время хранится в фотоархиве Музейного ведомства Финляндии (MVKA: 37:440; 872:1; 37:1–110; 39: 1–39,53). Некоторые из них были использованы в работах его коллег-этнографов

(*Hämäläinen* 1926: 19–20). Но, к сожалению, до настоящего времени опубликована лишь незначительная часть фотографий из "пермской" коллекции ученого.

Давая оценку результатам "пермской экспедиции" 1907 г., можно отметить, что несмотря на достаточно случайный, обусловленный практическими обстоятельствами принцип сбора материалов, коллекция экспонатов, привезенных Сирелиусом, до настоящего времени составляет основу экспозиции и фондов по традиционной культуре пермских народов в Национальном музее Финляндии. К сожалению, Сирелиус при жизни не успел полностью обработать и опубликовать большую часть полевых материалов, поскольку традиционная культура пермян не была предметом его специальных исследований, лишь часть этих полевых материалов была включена им в различные публикации по сравнительному изучению охоты, рыболовства и традиционных построек финно-угорских народов. Так, достаточно обширные сведения, рисунки и фотографии по народной архитектуре коми и удмуртов приводятся в цикле его работ по древним типам жилищ у финно-угров (*Sirelius* 1907–1910).

Несомненный интерес представляют не только этнографическая коллекция вещей и их подробнейшая опись, но и опубликованные официальные отчеты о "пермской экспедиции" и личные полевые дневники. Находясь в экспедиции, У.Т. Сирелиус посылал в Хельсинки обширные публицистические репортажи о своей поездке, которые публиковались на страницах популярного столичного еженедельника "Helsingin Sanomat" (*Idem.* 1907a). По путевым заметкам исследователя видно, что сам он был несколько разочарован результатами экспедиции, поскольку столкнулся с рядом непредвиденных с его стороны трудностей в общении с местным населением. Вероятно, находясь еще под впечатлением своих сибирских путешествий к обско-угорским народам, Сирелиус был склонен объяснять недружелюбность и, в ряде случаев, чрезмерную агрессивность по отношению к себе со стороны коми населения "сильным размытием традиционных устоев" (*Sirelius* 1998: 118–125, 172–177). Представляется, что впечатления У.Т. Сирелиуса уже в начале XX в. объективно могли способствовать формированию в западно-европейской академической среде представлений о "полностью обрусевшем" по своей культуре и укладу жизни, хотя и сохранившем свой язык, народе коми. Что касается впечатлений Сирелиуса об удмуртах, то здесь его чувства обнаружили некоторую двойственность: с одной стороны, он был рад воочию наблюдать искомые элементы традиционности, с другой – его огорчало отсутствие столь привычных для городского человека норм и правил, свидетельствующих о поступательном движении народной культуры к культуре национальной.

В ходе проведения полевых разысканий У.Т. Сирелиус так же, как В.П. Налимов, стремился не столько объективно зафиксировать пласт современной им культурной традиции коми, коми-пермяков и удмуртов, сколько целенаправленно занимался поисками "нерусского", "подлинно-национального" пласта этнической культуры – с той лишь разницей, что Сирелиуса больше занимали проблемы генезиса культуры финно-угорских народов, а Налимов ставил перед собой задачу выявления, реконструкции и в какой-то мере и актуализации дохристианского мировоззрения коми. Не удивительно, что поиски национально-романтически настроенных исследователей, которые были увлечены конструированием национального самосознания, во многом перекликались и в оценке степени аутентичности этнической культуры пермян начала XX в. Сирелиус пишет о том, что происходит сильное ослабление традиционных устоев и морали в селах у коми, что существенно затрудняет сбор подлинных материалов по финно-угорской этнографии⁶. Эти замечания перекликаются с более откровенными интонациями в рукописях Налимова по поводу негативного воздействия, в частности, "Усть-Сысольска – культурного центра русского чиновничества – на традиционные устои коми деревни" (*SUSA*: 75).

Результаты "пермской экспедиции" 1907 г. достаточно наглядно подтверждают известное правило: "успех полевой работы прямо пропорционален знаниям о предмете,

объекте и методах исследования". Иными словами, с чем этнограф выходит в поле, с теми результатами, по большей мере, он и возвращается в свой кабинет. В данном случае, вероятно, важна сама парадигма исследования – либо речь идет об изучении механизмов этнокультурной традиции, либо о романтическом путешествии в поисках "утраченной культуры". Неоспоримо одно – полевые исследования У.Т. Сирелиуса и его добровольных местных помощников дали мощный толчок развитию финно-угорской этнографии, прежде всего в России, формируя поколение профессиональных исследователей (на)родной культуры.

Примечания

¹ Отметим, что "совместной" эту экспедицию можно назвать лишь условно, поскольку пути исследователей пересеклись в поле лишь на несколько дней, в середине июля 1907 г., в с. Вильгорт на р. Вычегда. Хотя обсуждения и обоюдные корректировки результатов экспедиции и отчетов о последующих самостоятельных поездках В.П. Налимова к коми-зырянам и коми-пермякам продолжались в течение нескольких последующих лет, а также во время пребывания Налимова на стажировке в Гельсингфорском университете в 1908–1909 гг. Подробнее о биографии В.П. Налимова и его отчетах по этнографии и фольклору коми-зырян и коми-пермяков, представленных в Архив Финно-Угорского Общества (См.: *Несанелиус* 1996: 194–201; *Семенов* 1993: 269–278; *Терюков* 1999: 130–135).

² В 1898 и 1899–1900 гг. У.Т. Сирелиус осуществлял длительную этнографическую экспедицию к обским уграм с целью сбора экспонатов для Национального музея Финляндии. В течение четырнадцати месяцев он занимался стационарным исследованием охоты, рыболовства и традиционного образа жизни хантов, манси и селькупов. В результате экспедиции была собрана богатая коллекция экспонатов и создана уникальная серия этнографических фотографий, насчитывающая более 450 негативов. Впоследствии по материалам обско-угорской экспедиции Сирелиус подготовил докторскую диссертацию и цикл научных и популярных публикаций, в частности, фундаментальные исследования о рыболовном промысле у финно-угров (*Sirelius* 1906; см. также: *Соколова* 1997).

³ В переписке, в частности, обсуждалась возможность выступления с докладами А.А. Чеусова и В.П. Налимова на семинарах Финно-Угорского Общества в Хельсинки, а также их участие в предполагаемом Съезде финно-угорских народов. В архиве исследователя хранится открытка, датированная августом 1907 г., от А.А. Цембера с известием о возможности приобретения ряда экспонатов в селах Подбельск и Усть-Кулом для Национального музея Финляндии. Судя по переписке, А.И. Шомысов в течение полугода готовил для У.Т. Сирелиуса этнографический отчет о рыболовном промысле у коми в селах Скородум и Визинга. В 1927 г. У.Т. Сирелиус, будучи уже профессором финно-угорской этнографии Хельсинкского университета, познакомился с одним коми-этнографом и аспирантом ЛГУ Г.А. Старцевым, который проходил стажировку в Хельсинки, и получил от него в подарок серию фотографий по охоте и рыболовству вымских и вычегодских коми (*Startsoff* 1926).

⁴ Уже в своих ранних этнографических работах В.П. Налимов во многом предвосхитил методологию современных этнологических исследований, в частности придерживаясь в полевой практике мнения о неправомерности рассмотрения традиционной системы жизнеобеспечения в отрыве от духовной культуры. Позднее, в начале 1920-х годов в одной из своих лекций В.П. Налимов сформулировал этот тезис следующим образом: "Занимаясь изучением материальной культуры человечества, ее элементы нельзя рассматривать как нечто постороннее, внешнее человеку. Они суть части его организма, его духовного "я", вылившиеся в вещественных доказательствах. И материальная, и духовная культуры являются связанными в одно органическое целое, и изучение, и рассмотрение одного отдельно от другого невозможно" (*Налимов* 1997: 138). Примечательно, что в 1914 г. и У.Т. Сирелиус публикует развернутый этнографический вопросник, направленный на изучение народных обрядов и верований (*Sirelius* 1914).

⁵ Результаты полевых изысканий В.П. Налимова среди коми-зырян получили высокую оценку финского этнографа У. (Хольмберга-) Харва (1882–1949), стоявшего у истоков сравнительного религиоведения в финно-угроведении. Впоследствии профессор Хольмберг неоднократно обращался к материалам по традиционным верованиям коми и удмуртов в своих трудах по мифологии финно-угров (*Holmberg* 1914, 1917, 1927). Известный финский этнограф А. Хямляйнен (1881–1949) при подготовке монографии "Субстанция человеческого тела в магии финно-угорских народов. Исследование по психологии магии" (1920) также обращался к материалам по верованиям и обрядам коми, записанным Налимовым. Отчеты об экспедициях, наряду с рукописными вариантами статей по этнографии зырян, пермяков и удмуртов, представленные

Налимовым в архив Финно-Угорского Общества, стали легко доступными для широкого круга финляндских исследователей, многие из которых хорошо знали русский язык. В свою очередь публикации финских фольклористов и этнографов, опиравшихся в тех или иных случаях на фонд В.П. Налимова, сделали доступными сведения по культуре коми для немецко- и англоязычной аудитории. В этом плане показательны многочисленные ссылки на материалы Налимова в публикациях первой половины XX в. на финском, немецком и английском языках по фольклору и мифологии финно-угорских народов (*Hämäläinen* 1913; *Paulson* 1958, 1961, 1962, 1965). Анализ индекса ссылок в финно-угроведческой литературе первой половины XX в. показывает, что, несмотря на критическое отношение зарубежных коллег к теоретическим построениям в ранних публикациях В.П. Налимова на русском и немецком языках, его студенческие полевые этнографические и фольклорные записи на протяжении длительного времени являлись одним из основных источников по изучению обрядов и верований коми для зарубежных исследователей (*Шарапов* 2000).

⁶ В частности, У.Т. Сирелиус пишет по этому поводу: «Национальное самосознание зырян, как правило, отсутствует. Но они и того горделивей называют себя "крестьянами", что по их представлению означает как настоящего христианина, так и крестьянина (причем это иногда значит то же, что и русский). Мне приходилось встречать многих относительно образованных зырян, однако зачастую, по крайней мере, с первого взгляда они не выглядели как ценящие свою национальность люди» (*Сирелиус* 1998: 177).

Источники и литература

- Верещагин* 2000 – *Верещагин Г.Е.* Деревня Бурангурт // *Верещагин Г.Е. Собр. соч.* В 6 т. Т. 3. Кн. 2. Ижевск, 2000. С. 83–115.
- Вилкуна* 1965 – *Вилкуна К.* О положении финно-угорской этнографии (этнологии) в настоящее время // *Сов. этнография.* 1965. № 1. С. 129–138.
- Владыкин, Загребин* 2004 – *Владыкин В.Е., Загребин А.Е.* Торо удмуртской этнографии // Г.Е. Верещагин и этнокультурное развитие народов Урало-Поволжья. Ижевск, 2004. С. 19–23.
- Загребин* 1996 – *Загребин А.Е.* У.Т. Сирелиус и Г.Е. Верещагин // Исторический факультет: история, современное состояние и перспективы. Ижевск, 1996. С. 112–114.
- Загребин* 1998 – *Загребин А.Е.* Т.Г. Аминофф как исследователь фольклора и мифологии удмуртов // История и культура финно-угорских народов. Глазов, 1998. С. 84–86.
- Загребин* 1999 – *Загребин А.Е.* Финны об удмуртах: Финские исследователи этнографии удмуртов XIX – первой половины XX в. Ижевск, 1999.
- Загребин* 2003 – *Загребин А.Е.* Об исследовательском феномене одной научной генерации в истории финно-угорской этнографии // Этнос – культура – человек. Ижевск, 2003. С. 163–168.
- Карху* 1980 – *Карху Э.Г.* Постановка проблемы финско-русского научно-культурного сотрудничества в конце XVIII – начале XIX в. // Матер. VI советско-финляндского симп. историков. Л., 1980.
- Налимов* 1999 – *Налимов В.П.* Одежда, украшения и их возникновение // Арт (Лад). Сыктывкар. 1999. № 3. С. 136–145.
- Несанелис* 1996 – *Несанелис Д.А.* Профессор Василий Налимов – "финский шпион" // Родники Пармы. Сыктывкар, 1996. Вып. 4. С. 194–201.
- Семенов* 1993 – *Семенов В.А.* Этнограф Василий Налимов // Они любили край родной. Сыктывкар, 1993. С. 269–278.
- Сирелиус* 1998 – *Сирелиус У.Т.* "Из путешествия по северо-востоку России" / Пер. с финск. А. Сурво // Арт (Лад). Сыктывкар. 1998. № 1. С. 118–125; № 3. С. 172–177; 2002. № 1. С. 82–94. Текст также представлен на интернет-сайте "Полевые исследования" (<http://www.komi.com/pole/archive/pole/2.asp>)
- Сирелиус* 2002 – *Сирелиус У.Т.* Путевые заметки // Народы Крайнего Севера и Дальнего Востока России в трудах исследователей (XVII – начало XX в.) / Сост. Т.Н. Емельянова, М.В. Южанинова. М., 2002. С. 499–504.
- Соколова* 1997 – *Соколова З.П.* Обско-угорская этнография в трудах финских ученых в XIX – начале XX в. // Народы Сибири: история и культура. Новосибирск, 1997. С. 5–10.
- Терюков* 1999 – *Терюков А.И.* Из истории изучения обрядов жизненного цикла народов коми // Арт (Лад). Сыктывкар. 1999. № 3. С. 130–135.
- Цембер* 1997 – *Цембер А.А.* Дневник / Подготовка текста, вступ. ст. и коммент. Л.П. Роцевской. Сыктывкар, 1997.
- Шарапов* 2000 – *Шарапов В.Э.* Материалы В.П. Налимова по традиционному мировоззрению коми в исследованиях европейских финно-угроведов I пол. XX в. // Арт (Лад). Сыктывкар. 2000. № 1. С. 144–146.

- Шаратов* 2001 – *Шаратов В.Э.* Первая этнографическая экспедиция на территории Коми Края в XX веке (карта маршрута экспедиции) // Историко-культурный атлас Республики Коми. М., 2001. С. 126–127.
- Шлыгина* 1995 – *Шлыгина Н.В.* История финской этнологии (1880–1980). М., 1995.
- Holmberg* 1914 – *Holmberg U.* Permalaisen uskonto. Porvoo, 1914.
- Holmberg* 1917 – *Holmberg U.* Syrjänen muinaisuskonto // Tietosanakirja. Helsingfors, 1917. № 9.
- Holmberg* 1927 – *Holmberg U.* Finno-Ugric, Siberian // The mythology of all races. Boston, 1927. Vol. 4.
- Hämäläinen* 1913 – *Hämäläinen A.* Mordvalaisten, tšeremissien ja votjakkien kosinta- ja häätavoista // Journal de la Société Finno-Ougrienne. 1913. № 29.
- Hämäläinen* 1926 – *Hämäläinen A.* Tšeremissien ja syrjänen saunoista // Suomen Museo. Helsinki, 1926. S. 19–20.
- Iso karhu 1980 – Iso karhu: arkistokuvia etäisten kielisukulaistemme asuinsijoilta – The Great Bear: old photographs of the Volga-Finnic, Permian Finnic and Ob-Ugrian peoples / Ed. I. Lehtinen, J. Kukkonen. Helsinki, 1980.
- KMSU – Kansallismuseon: suomalais-ugrilaiset kokoelmat.
- Kodolányi* 1985 – *Kodolányi J.* Finnish Ethnology in Hungary // Friends and Relatives. Bp., 1985. P. 99–116.
- Lehtonen* 1972 – *Lehtonen J.U.E.* U.T. Sirelius ja kansatiede. Helsinki, 1972.
- Liikanen* 1995 – *Liikanen I.* Fennomania ja kansa. Joukkojärjestäytymisen läpimurto ja suomalaisen puolteen synty. Helsinki, 1995.
- MVKA – Museovirasto: Kuva-arkisto.
- MV-KTKKA 1907 – Museovirasto: Kansatieteen käsikirjoitusarkisto. Sirelius U.T. Permalaismatka, 1907.
- Nalimov 1907 – V. Nalimovin matkakertomus sekä tietoja syrjänen uskomuksista, 1907 // Suomalais-Ugrilainen Seuran Arkisto. 2.2.20.
- Paulson* 1958 – *Paulson I.* Die primitiven Seelenvorstellungen der nordenrasischen Völker. Stockholm, 1958.
- Paulson* 1961 – *Paulson I.* Schutzgeister und Gottheiten des Wildes in Nordeurasiens. Stockholm; Uppsala, 1961.
- Paulson* 1962 – *Paulson I.* Die Religionen der finnischen Völker // Die Religionen Nordeurasiens und der amerikanischen Arctic. Stuttgart, 1962.
- Paulson* 1965 – *Paulson I.* Outline of Permian Folk Religion // Journal of the Folklore Institute. 1965. № 2. P. 148–180.
- Sirelius* 1906 – *Sirelius U.T.* Über die Sperrfischerei bei den finnisch-ugrischen Völkern. Helsinki, 1906.
- Sirelius* 1907–1910 – *Sirelius U.T.* Über die primitiven Wohnungen der finnischen und ob-ugrischen Völker // Finnisch-Ugrische Forschungen. 1907–1910. № 7. S. 56–57, 111; № 8. S. 28–59.
- Sirelius* 1907a – *Sirelius U.T.* Matkalta koillis-Venäjäällä I–III // Helsingin Sanomat. 1907. № 170, 174, 192.
- Sirelius* 1907b – *Sirelius U.T.* Permalaismatka muistinpano vihkoja, syrjänen, 1907 // Museovirasto: Kansatieteen käsikirjoitusarkisto.
- Sirelius* 1908 – *Sirelius U.T.* Matkakertomus kansatieteelliseltä matkalta permalaiskansain keskuuteen kesällä 1907 // Journal de la Société Finno-Ougrienne. 1908. № 25. S. 15–17.
- Sirelius* 1914 – *Sirelius U.T.* Этнографические вопросы листы I. Обычай и верования, сопряженные с рождением, детством и смертью. Helsinki, 1914.
- Sirelius* 1928 – *Sirelius U.T.* Die syrjänische Wohnung in ihren verschiedenen Entwicklungsstadien. Eine vergleichende Untersuchung // Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. 1928. № 58. S. 331–365.
- Startsoff* 1926 – *E.W. Startsoff.* 1926, Syrjänen // Museovirasto: Kuva-arkisto. 37–440. 872: 1. 191:1–12.
- Statuts 1886 – Statuts de la Société Finno-Ougrienne. De linguistique, d'archéologie, d'histoire ancienne et d'ethnographie // Journal de la Société Finno-Ougrienne. 1886. № 1. P. 7–8.
- Suomalais-ugrilainen Seura 1911 // Journal de la Société Finno-Ougrienne. 1910. № 27. S. 35–37.
- SUSA – Suomalais-Ugrilainen Seuran Arkisto. I. 1.38.1. Nalimov V. Kansatieteellisiä kirjoituksia ja muistinpanoja syrjäneista. Venäjäksi.
- Valonen* 1981 – *Valonen N.* Why have Finno-Ugrian Ethnology? // Ethnologia Fennica. 1981. № 11. P. 3–5.
- Vuorela* 1977 – *Vuorela T.* Ethnology in Finland before 1920. Helsinki, 1977. P. 44–49.

A.E. Zagrebina, V.E. Sharatov. Toward a History of the "Permian Expedition" of U.T. Sirelius

The article discusses the so-called "Permian" trip of remarkable Finnish ethnographer Uno Taavi Sirelius (1872–1929). Hoping to discover a wider body of data for the comparative study of economic life of Finno-Ugrian peoples, Sirelius undertook that trip in 1907. During the course of the expedition, Sirelius was sending back to Helsinki extensive reports, which were published in the Helsingin Sanomat newspaper, and collected a unique body of field materials. Being an experienced photographer, Sirelius also became the owner of one of the richest photographic collections devoted to the culture of Finno-Ugrian peoples. The authors discuss the destiny of scholarly materials left behind by the ethnographer and their importance for contemporary studies.